

ТАТЬЯНА АЛХИМОВА

Маргит, Эржебет

Вчeрa
Сeгoднeя
Зaвтpa

18+

Татьяна Алхимова Маргит, Эржебет

<https://litres.ru/73366661>

SelfPub; 2026

Аннотация

Типичные сюжеты постоянно происходят вокруг, составляя чьи-то жизни. А жизнь, как известно, иногда придумывает нечто совершенно необъяснимое и по-книжному простое.

Непонятная Маргит, ещё более непонятная, но знакомая Эржебет. И чудак Ксандр на пару с Соломоновичем играют в обыденные сюжеты, пытаясь отыскать свою долю счастья.

Карьера, репутация, свободная жизнь... Привычные образы счастья и удовлетворённости, образы самооценности. А сердце хочет другого: любви. Без лишних слов, без фейерверка восторга. Оно просит тишины, уюта и понимания. Даже если герои перешагнули порог зрелости, даже если разочаровались и спрятались от своего прошлого.

Содержание

Татьяна Алхимова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маргит, Эржебет

Татьяна Алхимова

Маргит, Эржебет

– Позвольте вас немного проводить? Гостиница здесь недалеко, а мне нужно прогуляться. Свежий воздух полезен для здоровья, – он сложил губы дежурной улыбкой, но глазами сверкнул совсем не дежурно.

– Самую малость. И то, исключительно из-за моего к вам уважения, как к важному клиенту, – она приняла на свои плечи пальто, галантно им поданное, и повязала шарф.

Была б на то её воля, то никуда бы с этим человеком она не пошла: ни в этот дорогой ресторан, чтобы завершить рабочий день, ни в офис, расположенный в самом центре города, ни-ку-да. Но существовали правила этикета и негласные установки рабочей этики, которые каждый, кто хотел не просто удержать позиции, но и подняться на следующую ступеньку, вынужден был соблюдать.

Она прекрасно знала, что именно этот старый клиент был к ней неравнодушен: в прошлую их рабочую встречу он прислал приглашение на ужин, которое пришлось вежливо отклонить. И как прекрасно прошли несколько месяцев после – существовала слабая, но надежда, что он больше не обра-

тится в бюро с заказом; обидится, не получив желаемое.

Надежда не оправдалась.

– Что ж, – продолжил он, когда они вышли на улицу и уже преодолели несколько десятков шагов в молчании. – Остались мелочи.

– Вы о проекте?

– Да.

– По плану у нас ещё один день. Завтра утром буду у вас – ориентировочно закончу к обеду.

– Вы, как всегда, крайне пунктуальны и очень оперативны.

– Это моя работа.

– Ах да, эти ваши принципы и правила...

– Вас что-то не устраивает?

Манера его разговора и эксцентричность, слепящая яркость, дерзость и в некоторой степени грубость, выражавшаяся прежде всего в прямолинейности и умении добиваться своего, – раздражали. Если бы на его месте оказался кто угодно другой, она бы приняла все эти качества с уважением, да и в нём, признать честно, тоже уважала. Но не могла ни признать себе, ни показать ему. Поэтому дерзила в ответ, насколько позволяли приличия, и цинично бросала острые фразы.

– Нет. С чего вы взяли? Меня устраивает абсолютно всё: и ваше бюро с громким именем и безупречной репутацией, и вы сами, Маргит.

– Тогда давайте не будем обсуждать наши принципы и правила, – Маргит нервно дёрнула плечиком, испытывая утомляющую напряжённость рядом с этим мужчиной. Он был высок, некогда атлетически сложен, и сейчас, под сок, не растерял привлекательности сильного мужского тела. Его взгляд всегда светился уверенностью с лёгким налётом смешливости – на жизнь он смотрел скорее как на игру, используя позёрство и эксцентричность как оружие. Даже в этот морозный зимний вечер, умудряясь выглядеть почти по-пижонски, не терял пафоса и шутливости.

Маргит прибавила шаг, надеясь поскорее отделаться от спутника, вселявшего в неё беспокойство. Если бы не репутационные риски, если бы не её личные правила, – никогда не заводила даже мимолётных интрижек с клиентами и коллегам, – сейчас всё было бы иначе. Или не сейчас, а тогда, в прошлый раз, когда она отказалась от ужина. Ей страшно хотелось прикоснуться к его улыбающимся губам пальцами, чтобы убрать с них выражение циничности и превосходства, стащить маску пренебрежения ко всему, что, казалось бы, не должно заботить, но – заботит. Да что говорить! Одна ночь с приятным мужчиной – это уже неплохо. Это – нормально. И потому, что малейшее проявление безволия сулило разрушить устоявшийся в глазах окружения образ Маргит, пустить трещину по фундаменту репутации и обернуться крахом всего, что она выстраивала долгие годы вокруг себя... Именно поэтому сейчас она хотела бежать – в

завтрашний день, в момент, когда на бумагах появится подпись, в аэропорт, обратно в Москву. Запереться в ставшей родной съёмной квартире, налить бокал красного, бархатного вина и забыть. Отказаться от любых контактов с ним, сослаться на требовательность и сложность работы (ну и что, что кроме неё никто не умеет так прекрасно обходиться с одним из ключевых клиентов; пусть кто-то из коллег будет обижен свалившейся нагрузкой; что угодно – пусть). Оттолкнуть. Оставить за бортом. На морозе этого вечера.

Нога её неловко ступила на снег, под которым прятался лёд, и, тихо вскрикнув, Маргит пошатнулась. Конечно, как назло, под руку схватил её *он*. Договорился со льдом? Вёл опасной дорогой нарочно?

– Будьте осторожны. Зима, – совершенно спокойным, будничным тоном произнёс спутник и покрепче взялся за руку.

– Всё хорошо?

– Да. Спасибо.

Она было попыталась освободиться, но – бесполезно. Они шли и шли, и ей казалось, что город расширялся, отодвигая тёплую гостиницу всё дальше и дальше.

– Что вы думаете по поводу нашего проекта, Маргит?

– Что и всегда, Александр, – в той же загадочно-наигранной манере ответила она.

– И почему вы так строго следуете своим бессмысленным правилам?

– Наверное, потому, что я сейчас на работе.

– Рабочий день давно закончился, бросьте.

– Вы меня «выписали» на три дня, и я готова работать круглые сутки, лишь бы успеть сделать всё в срок.

– Эта ваша знаменитая трудоспособность...

– Эффективность. Вы бы никогда к нам не обратились, если бы мы плохо выполняли...

– Дело не в этом.

– Что?

– Мне нравится, как работаете именно *вы*, Маргит. Квалификация, личностные качества... Я могу составить очень длинный список ваших достоинств, но есть кое-что другое. Гораздо более для меня важное.

Они остановились перед замёрзшим прудиком, обрамлённым белой, утоптанной снежной дорожкой. Фонари светили жёлто-оранжевым, тусклым мандариновым светом, и дыхание превращалось в ледяной туман. Маргит стянула перчатки и достала пачку сигарет, раздумывая, стоит ли закурить.

– Вам неинтересно? – подал голос Александр, наконец-то отпустив её руку.

– Не знаю. Мне не нравится ни этот разговор, ни то, что мы с вами вдвоём шатаемся по улице.

– А жаль.

– Вы, конечно, всё равно скажете. Верно?

– Верно. Знаете, я не понимаю одного: почему вы так упорно меня отталкиваете? Неужели правила важнее ваших желаний?

– Существование телепатии не доказано.

– Я не слеп. И не глуп. И не прошу от вас многого.

– Одну ночь? – Маргит усмехнулась и спрятала руки в карманы. Странно, но Александр не был похож на того, кто развлекается одноразовыми встречами. Или слишком похож.

– Может быть, потом, после... Для начала хотя бы ужин.

– Мы только что вышли из ресторана.

– Это была деловая встреча!

– Вам мало?

– Да!

– Просто оставьте меня в покое, пожалуйста. Я ведь буду вынуждена отказаться от работы с вами, понимаете? – Маргит обернулась и застыла. Александр смотрел на неё меланхолично, спрятав и цинизм, и грубость. Но напор! Единственное, что она видела яснее ясного: он не из тех, кто отступает.

– Почему?

– Репутация. Не в моих правилах...

– И что будет? Что?

– А вы хотите, чтобы про вас говорили, будто бы вы получаете лучшего специалиста и отличный результат не потому, что хорошо платите и материал прекрасен сам по себе, а потому, что спите со мной? Слово «блат» вам знакомо? И я, в свою очередь, не хочу, чтобы все думали, будто я продаюсь. Вы отмоетесь от любых сплетен, потому что у вас положение, ваше дело, связи... А кто я? Иностранка, приехавшая

на контракт. Нет-нет, спасибо. Наше сообщество настолько тесное, что даже этот простой разговор со стороны может выглядеть компрометирующим.

– Не говорите ерунды.

– Для вас – это может быть и ерунда. Но не для меня.

– Послушайте, ну вы же взрослая женщина! Всё это просто отговорки! Невозможно даже подумать, что вы говорите серьёзно.

– Тем не менее...

– Год, – тихо произнёс Александр и замолчал, глядя прямо в глаза Маргит, отчего её бросило в жар.

– Что?

– Год назад мы впервые встретились. Ваш шеф на мой запрос ответил неожиданным предложением: рассказал о вас. Мол, по-старинке «выписал» из-за границы прекрасного специалиста, педантичную, образованную, горящую своим делом молодую женщину. Кроме всего прочего, ещё и в совершенстве владеющую русским. Я был настроен скептически... Но вы!

– Но я?

– Слишком скромно вас мне представили! Не помните? В тот день был сильный снегопад, и я сам приехал в аэропорт. Сколько времени понадобилось, чтобы чуть изучить вас и рискнуть пригласить...

– На ужин? – усмехнулась Маргит и опустила взгляд. Да... Сколько мучительных часов провела она в гостиничном номере,

пытаясь придумать удобоваримую причину отказа. Хотя что могло быть проще? Проще, чем стандартное «нет»? Проблема оказалась в другом, и это она поняла позже, когда уже поднялась в воздух вместе с сотней пассажиров небольшого самолёта. Ей хотелось сказать «да».

– Именно. Я вижу интерес в ваших глазах. Вы хотите того же, чего и я. Маргит! Чего вы боитесь?

– Ничего. Просто я не завожу отношений на работе. Особенно с клиентами. Это – мой принцип. Благодаря этим принципам и правилам, и вы в том числе, имеете возможность работать со мной. И я имею возможность жить так, как мне нравится. Ради ваших желаний жертвовать собой не собираюсь.

– Глупости!

– Нет! Я вас терпеть не могу! Вы слишком придирчивый, слишком требовательный клиент. И каждый раз так смотрите на меня, что я готова провалиться сквозь землю! Это невыносимо! – Маргит выдохнула и с трудом подавила дрожь в руках. Она уже прилично замёрзла, но сдаваться и уходить первой не собиралась. Ей нужно было вынудить Александра сделать этот шаг. Но он тоже медлил. – Уходите.

– Если вы согласитесь, – продолжал он так, будто бы и не слышал ничего из сказанного, – то я успокоюсь и отстану от вас. Это ведь несложно, правда? Просто сходить со мной поужинать. Неформальная обстановка. Вы ведь бываете на свиданиях?

– Не ваше дело! Уйдите! – Маргит осторожно подняла руку и кулачком направила на грудь Александра. Он не шелохнулся. – Пожалуйста. Так и так я с вами больше не собираюсь работать.

– А как же проект?

– Его можно завершить без встреч. Мне осталось совсем немного.

– Завтрашнее утро и самолёт? – он улыбнулся, и тень печали скользнула по лицу.

– Да.

– И всё равно я не могу вас понять! Никто ничего не узнает. Повторю. Никому нет дела до того, с кем вы проведёте один-единственный вечер. Здесь. Так далеко от столицы и знакомых.

– Уходите. Иначе я сделаю что-нибудь!

– Например? Закричите? Убежите? Надаёте мне пощёчин?

Маргит пожала плечами и отвернулась к пруду. Краем глаза она видела, как Александр стоял и смотрел на неё. Видела и то, как лёгкими хлопьями с тёмного неба без приглашения посыпался снег. «Только бы *он* ушёл, Господи...» – пронеслось в её голове. Сил держаться под напором и вескими аргументами тогда, когда между ними почти не было никакой дистанции, когда запах его духов и тёплый пар от дыхания дотягивались до замёрзшей кожи щёк, – не было. Она столько сопротивлялась, столько уговаривала себя не думать

об этом человеке, не жалеть об отказе. Убеждала изо дня в день, что принципы – это принципы, и нарушают их только слабаки. Маргит никогда не была слабачкой, и только благодаря этому находилась здесь, имела всё, о чём когда-то мечтала.

Александр, постояв ещё немного, больше ничего не сказал – только под ногами его тихо скрипнул снег. Сдался?

Дрожащими руками она достала пачку сигарет, вынула одну и, быстрым движением выудив из кармана старый, самый любимый мундштук, вставила её внутрь. Пальцы почти ничего не чувствовали – может, поэтому, или по другой причине зажигалка отказывалась вспыхнуть ярким оранжевым пламенем. Чиркала без смысла и результата. Маргит нервно потрясла её, погрела в ладонях и попыталась снова. Ничего. И ещё раз! Ещё!

– Да чтоб тебя, – ругнулась она и зашвырнула зажигалку в пруд. Та пролетела немного вперёд и бесславно утонула в сугробе.

В этот отчаянный, наполненный терзаниями по тому, что случилось, но против чего восставало сердце, момент кто-то подошёл к Маргит сзади и едва касаясь обхватил руками. Почти перед самым лицом вспыхнул слабый огонёк, и воздух наполнил запах, от которого ей хотелось избавиться так же сильно, как и не избавляться от него.

Осторожно прикурив, она глубоко затянулась и, задержав дым в груди, прислонилась спиной к тому, кто молчаливо

служил опорой. Ледяной зимней стеной, скрывающей жар упрямого сердца.

– Я могу считать это согласиём? – шепнул Александр, когда Маргит выпустила очередное серое облако.

– Да. Только потом ты исчезнешь навсегда. По рукам?

– Куда вы, многоуважаемая Маргит, желаете отправить-ся?

– Туда, где нам никто не будет мешать. И чтобы ни одного знакомого вам лица.

– Тогда идём.

– Так скоро? – она, сделав над собой усилие и параллельно отругав за слабость, отступила на шаг вперёд.

– Мой город не такой огромный, как Москва. Так что каждый уголок мне прекрасно знаком.

Маргит не ответила – в голове всё ещё крутились мысли, отрицающие принятое решение. Правильно ли было соглашаться, и что могло последовать за этим? Но отступить значило бы признать поражение перед собой и никогда не разорвать порочный круг, по которому они с Александром ходили друг за другом. Ходили почти как сейчас – очень близко, в ногу, с тоскливым скрипом снега при каждом шаге. С неба всё ещё летели пушистые белые комочки, обещающие ослабление мороза, может быть даже незначительную оттепель.

Нужно было бы что-то сказать, разрядить обстановку и показать собственную уверенность, но разве так просто заговорить с тем, кого за последний час и оттолкнула, и притя-

нула? Разве просто говорить с тем, с кем никогда не обсуждала ничего, кроме работы?

– Я не знаю, что говорить, – вырвалось у Маргит сухо и строго. Вырвалось и затихло, застыло в снежной пелене, застилающей подступающую ночь. – В том смысле, – поспешила она оправдаться, но не успела закончить мысль.

– О чём обычно говорят на свиданиях?

– Обычно на свидания ходят не потому, что человека заставили.

– А вас кто-то заставлял?

– Разве нет?

– Нет.

– Да вы! Вы!...

– Я? – Александр ухмыльнулся, но на спутницу не посмотрел, только махнул рукой куда-то вперёд, в снежный мрак, и добавил, – мы почти пришли.

– Сколько раз вы были женаты?

– Маргит? Кажется, мы переходили на ты. Но попытка засчитана. Почти три.

– Как это – почти?

– Один раз женился ещё будучи студентом. Оп! Держитесь, – он снова ловко поймал её под руку перед самым пешеходным переходом, где скользкий асфальт прилично покрылся снегом. – Страшно влюбился, страшно! Отец и мать ругались, но отступили.

– И что?

– Развелись через полтора года. Застал её с общим другом,
– Александр рассмеялся. – Для меня это не было новостью,
но собственными глазами увидел впервые.

– Неприятная история.

– Опыт.

– А второй?

– Склеивал разбитое сердце.

– И снова неудачно?

– Какая вы проницательная!

– А вы любвеобильный.

– Обыкновенный дурак.

– Тогда выкладывайте почти третий раз.

– После второго развода я уже числился завидным женихом, так что женским вниманием обделён не был и всерьёз думал попробовать выкрасть у судьбы кусочек счастья. Бог любит Троицу. Так говорят.

– И что помешало? – Маргит прошла в услужливо приоткрытую Александром дверь ресторанчика, и оглянулась на него.

– Мой характер.

– Ха! Не удивлена.

– Я тоже.

Пока она стряхивала снег с пальто, вопрос с наличием столика уже решился, и через минуту оба они сидели в тепле, уюте, под тусклым светом большой лампы, спрятанной в тканевый абажур, отделённые от остального зала тяжёлой занавесью.

весью.

– Место не самое топовое, – прокомментировал Александр, – зато можно обеспечить приватность.

– Отчасти, – буркнула Маргит, имея в виду доносившиеся из-за тонкой стены весёлые возгласы.

– У людей, наверное, праздник, а вы недовольны. Радуйтесь, что сегодня будний день, и нам вообще удалось спрятаться от лишних глаз – да будет по желанию вашему, – он немного помолчал, рассматривая меню. – Чем хотите полакомиться?

– Я сыта, – в той же манере отозвалась она. – Согреюсь вином для начала. Закуски на ваш вкус.

– Может, чего покрепче?

– Мне завтра на работу.

– Ах да. Забыл. Простите. Выбирайте вино.

И она выбрала. Специально самое дорогое, которое нашлось в винной карте – пусть этот вечер обойдётся Александру в копеечку, пусть он потом ещё долго вспоминает её наглость и расточительство и чувствует, что ему уступили исключительно ради того, чтобы избавиться. Но, конечно, сама перед собой Маргит выглядела глупо и злилась – мелкая, детская месть. Что ему те пять тысяч, что просили за бутылку? Ничего. И, судя по всему, даже её колкости и грубости не смогут испортить настроение. Он добился своего – это главное.

– За ваше здоровье, Маргит, – торжественно поднял бокал с виски Александр, когда заказ принесли. – Надеюсь, вам

действительно не придётся потом гневаться на меня за то, что я мог, но не подлечил вас хорошим коньяком.

– Я не больна.

– Но замёрзли.

– Уже согрелась.

– Тогда пейте скорее! Чтобы закрепить результат! И закусывайте.

– Обязательно.

Маргит опустошила бокал – вино оказалось хорошим, и его стоило бы пить не как дешёвую водку, залпом. Но показать пренебрежение, поскорее наполнить себя спасительным хмелем – важнее. Важнее и того, что напротив сидел мужчина, откровенно заинтересованный в её расположении, не считающийся ни с чьим мнением, кроме собственного. Он и выглядел так, будто бы правил миром и плевать хотел на его законы и правила: фиолетовый пиджак с чёрными лацканами, лёгкая небрежность в волнистых волосах, брошенные на стол бутафорские очки и наметившаяся щетина. Пижон – вот что хотелось кричать ему в лицо. Почему? Маргит и сама не знала.

– А вы, – внезапно заговорил Александр, – сколько раз были замужем?

– Ноль.

– Это не может быть правдой.

– Как знаете, – она подлила себе ещё вина, опередив собеседника, и выпила, оставив на дне пару глотков.

– Почему же вы отказывались?

– Потому что никто не предлагал. Я много училась и работала, было не до замужеств.

– Намекаете, что я не учился и не работал?

– Почему намекаю? Утверждаю.

– Маргит, кажется, вы такая недобрая в этот вечер из-за голода. Поешьте, – он придвинул ближе сырную тарелку, и ей пришлось взять кусочек. – Думаете, вас собираются отравить?

– Нет. Я всегда больше пью, чем ем.

– Соблюдаете форму?

– Не люблю.

– Еду?

– Да!

– И меня?

– Что?

Александр рассмеялся и, чуть наклонившись вперёд, шепнул:

– На вашем месте я бы всё же поел. С мороза пить алкоголь и не закусывать... Чревато тяжёлой ночью. И не менее тяжёлым утром. А у вас работа, Маргит.

– Давайте я сама решу? Или у нас свидание с условиями?

– А! Значит, всё-таки свидание!

– Вы меня раздражаете.

Она вспомнила, что в сумке лежала вторая пачка сигарет, и поспешно её достала. Крепкий запах табака, помноженный

на винный привкус всегда помогали отрезвиться от происходящего, ощутить огонёк внутри, готовый вырваться наружу и явить миру ту Маргит, которая на самом деле была совсем другим человеком. Уже вложив сигарету в губы, она растерянно посмотрела на руки – зажигалка осталась в снегу.

– Вы всегда курите в ресторанах? – вальяжно откинувшись на спинку мягкого сиденья, опоясывающего стол, тут же отреагировал Александр.

– Я курю только тогда, когда мне или очень хорошо, или очень плохо. Ну и во всех остальных случаях.

– Сейчас, как я понимаю, вам хорошо?

– Ну конечно!

– Погодите минутку, ладно? – он улыбнулся и вышел.

Маргит покрутила в руках сигарету и отбросила на стол. Покурить удастся только тогда, когда она окажется в гостиничном номере и отыщет в вещах запасную зажигалку. Может, сейчас был наилучший момент, чтобы сбежать, но эту мысль пришлось задавить, как глупую. Испить вечер нужно до дна, чтобы больше такого не повторилось. А потому Маргит схватила бутылку, освободила ноги от сапожек и, поджав их под себя, прикончила вино из горла.

Голова спустя минуту отяжелела, будто бы кто-то подсыпал туда песок. По телу растеклась нега, и страшно захотелось спать – резкая смена часовых поясов, недосып и общая усталость снова и снова играли с хозяйкой в заведомо проигрышные игры. Она прикрыла глаза и попыталась предста-

вить себе, как будет завтра бежать по аэропорту, пытаюсь не опоздать на рейс, как вернётся в Москву и зайдёт в тёмную, пустую квартиру, чтобы провести следующие бесконечной вереницей дни в одиночестве. Там её ждёт огромная постель с чёрными простынями, початая бутылка любимого коньяка, коллекция мундштуков и благовония. Ничего лишнего, ничего проходного – только то, что важно и имеет смысл.

Маргит так бы и задремала, предаваясь образам грядущего, если бы не вернулся Александр в компании огромного, раскуренного кальяна. Он сел рядом, устроив сюрприз на столе и, приблизившись, осторожно спросил:

– Не желаете принять яду?

– За неимением лучшего... – Маргит приоткрыла глаза и схватила мундштук кальяна, жадно втянув дым.

– Неужто вам так плохо?

– Просто очень хочется курить. Вот и всё.

Оба они погрузились в тёплый, ягодно-фруктовый туман, в молчании передавая друг другу «трубку мира». Время потеряло счёт, и казалось, что давно наступила мрачная декабрьская ночь, которая будет длиться вечность. За стеной продолжала балагурить компания, заходил официант с новой бутылкой, и Маргит незаметно выпила половину, не позаботившись о том, чтобы предложить Александру.

– И ради этого вы мучили меня? – выдала она спустя некоторое время.

– Что?

– Ну... – Маргит повернулась к нему и с интересом всмотрелась в лицо, показавшееся спокойным, даже умиротворённым. – Столько уговоров. И ради чего? Чтобы молча курить кальян?

– А почему нет? Вас опять что-то не устраивает?

– Я бы не стала с таким упорством добиваться свидания, если бы... Вот что вам эта встреча дала?

– Вас.

– Ну ерунда же!

– Отнюдь. Мы провели время вместе. Провели? – Маргит кивнула. – Я даже кое-что узнал о вас, и о себе рассказал. Не рабочее. Разве плохо?

– Не стоило усилий. Об этом мы могли поговорить и в любой другой момент.

– Но не поговорили, правда? Вы, Маргит, очень таинственная. Услышать из ваших прекрасных уст что-то не связанное с делами – практически невозможно. Но мне удалось. И я этому крайне рад.

– Пустой вечер, – буркнула она и бросила на стол мундштук.

– А вы чего ожидали?

– Ну точно не этого всего.

– Если память мне не изменяет, кое-кто не хотел соглашаться на «пустой вечер». По идее, вы должны быть рады, что всё именно так, а не как-нибудь иначе.

– Как я могу быть рада?

– Маргит... Кажется, вы просто пьяны.

– Я?

– Конечно! Полторы бутылки вина.

– А вам жалко?

– Нет. Но я опасаюсь пьяных женщин.

– Тогда отвезите меня домой!

– Ко мне?

– Что?!

– У вас же здесь нет дома, – Александр улыбнулся и, подхватив мундштук, затянулся дымом.

– Да как... – Маргит, позабыла правила приличия и поддалась алкоголю, бурлящему в крови. Поднявшись на колени, она приготовилась высказать всё, что накопилось, но не успела. Другая мысль, затаившаяся на самом дне сознания, перебила.

– Гостиница – это не дом. Это так, временное пристанище, – спокойно продолжал Александр, с лёгким прищуром рассматривая собеседницу.

– А я говорю... – она резко опустила руки на его бёдра и приблизилась к лицу, спрятанному в дыме, – отвезите меня домой.

– Иначе что?

– Иначе отвечать за всё будете вы!

– М...

Маргит дрогнула и чуть подалась вперёд. Ей нравилось быть так близко к нему и чувствовать под ладонями горячее,

напряжённое тело. Нравилось искать во взгляде что-то другое, не привычно циничное или надменное, не шутливое, а обещающее. Алкоголь всегда делал из неё женщину решительную и бескомпромиссную. И сейчас, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление, она двигалась к тому, что могло бы сгладить все обиды, которые нанёс ей Александр, ну и пусть бы эти обиды придумала она сама – если бы он не был так настойчив, то не пришлось бы сдаваться и испытывать собственное терпение рядом.

– Хотите поиграть в женщину лёгкого поведения? – он схватил ладонью её лицо и, не рискуя провести большим пальцем по губам, остановил его в самом уголке. – Не советую. Вам эта роль ни капли не подходит.

– А какая подходит? – Маргит осторожно выдохнула, но так и не смогла определиться с тем, куда себя деть. Так что глаза её всё ещё были напротив глаз Александра, но взгляд его прочесть не удавалось.

– Любая другая.

– Не понимаю.

– Ты пьяна, Маргит. И тебе, действительно, надо домой.

– И курить, Ксандр, – пересилив себя, она неловко села рядом и рассеянно принялась искать обувь.

– Ксандр! – хмыкнул Александр и уже серьёзнее добавил: – Поехали?

– Пошли. В такси я с тобой не сяду.

– А одна?

Маргит подняла на него взгляд и встретила знакомую смешинку – он опять подзуживал её, расставлял ловушки, в которые она с превеликим удовольствием попадалась. Злилась на себя, но знала точно – это то удовольствие, которого давно в жизни не было.

– Предпочитаю передвигаться пешком.

– Зимой? Ночью? По незнакомому городу?

– Я здесь не в первый раз.

Но выбравшись на улицу, Маргит тут же пожалела о своём горделивом желании казаться независимой, строгой и не задетой ни одной ловушкой: поднялся ветер, сдувающий с крыш снежную пелену; мороз крепчал, но небо... О! Это тёмное, глубокое небо, напоминающее о вылазках в горы, о так и не обрётённой свободе быть тем, кто ты есть. Небо, воспетое поэтами и лелеемое прозаиками. Небо, любимое художниками и забытое скульпторами.

– Что ты там рассматриваешь? – подал голос Александр, в ожидании щёлкая зажигалкой.

– Небо, – так просто ответила Маргит, будто бы такого ответа от неё и ждал не только Ксандр, но и весь мир.

– Закуришь?

– Пожалуй.

Она прикурила и крепко затянулась, до головокружения и лёгкого спазма в горле. Но в этот вечер никотин оказался бессилён против алкоголя, и только мороз давал надежду. Медленно шли они вдоль погашенных витрин так близ-

ко, как позволял заметённый снегом тротуар. Шаг за шагом, щурясь, когда дул ветер, осторожно пробираясь сквозь наносы, до поворота и дальше-дальше-дальше... Голова Маргит немного гудела, и уверенности в теле почти не осталось. Она тревожно мёрзла и перестала узнавать местность. Но рядом был Ксандр, мимо проезжали машины, и всё же на пути встречались прохожие.

Я знала, что он за мной наблюдал – искоса посматривал, когда в очередной раз требовалась помощь. Лёд. Везде под снегом лежал лёд, и мне приходилось быть максимально внимательной. Ну... Насколько внимательной может быть пьяная женщина? Уставшая пьяная женщина. Я бы многое отдала, чтобы избавиться от Александра, избавиться раз и навсегда, но мне мешало чувство неудовлетворённости. Казалось, что он победил, выиграв ужин и тем самым доказав своё превосходство. Если бы получилось подлить дёгтя, указать на то, кто здесь правит бал! А правила его, конечно же, я. И никто иной.

Взгляд. Ещё один. Конечно, этот мужчина знает цену всему – и даже такой беспечной молчаливой прогулки. Он знал цену и мне, хотя я никогда не продавалась. И это страшно бесило. Надо было или уступить совсем, или не уступать вовсе! О! Как я была зла на себя и как хотела вывернуть ситуацию наизнанку. Ещё ни один человек не вызывал во мне настолько противоречивые чувства. Поразмыслив немного,

решилась.

– Не узнаю местность, – остановившись перед Ксандром, выдала я максимально громко, пытаясь перекрычать ветер.

– А ты прямо-таки хорошо знаешь город?

– Путь к гостинице – да!

– Хочешь сказать, я решил завести тебя в безлюдное место, чтобы там... Что сделать?

– То, что делают мужчина и женщина после свидания.

– О... – он едва заметно улыбнулся и, приблизившись, зловеще прошептал, – ты просто секса хочешь или меня?

Я молчала. Как ему сказать? И что сказать? Ответить «тебя», значит, признать свою слабость и никогда уже не отыграться. Просто секс? А что за ним последует? В этот вечер вся я была соткана из противоречий и внутри шла бесконечная борьба не на жизнь, а на смерть. Проклятый дуализм и вино!

– Ну, – поторопил Ксандр, – соври же что-нибудь. Ты прекрасно умеешь врать.

Глаза у него – тёмно-карие с чёрным ободком. Ресницы тоже чёрные, как смоль, густые, но не длинные. Страшные глаза – слишком умные, пронизывающие насквозь, будто рентген. А по щекам пробивается щетина, колкая, наверное, что ледяной северный ветер. Он – не брутал, и даже не эталон мужественности, но мой личный искуcитель. И ситуация идиотская, скопированная из бессмысленных сериалов, что смотрела хозяйка квартиры, у которой я в студенчестве сни-

мала комнату. Она в каждом встречном-поперечном на этом фоне видела принца и любовь всей своей жизни. Романтика! Прах... И любовь – прах. Миром мужчин правит похоть, а моим миром правит... Что?

Вместо ответа я потянулась к нему ближе и, закрыв глаза, с нежным, самым нежным, на который была способна, поцелуем, прикоснулась к холодным, сухим губам. Зачем? Чтобы заманить, пообещать, дать ответ, выбивающий почву из-под ног, подарить желаемое, а потом поставить подножку, унижить, растоптать, ранить! Сделать больно, вернуть на место и, показав спину – уйти с гордо поднятой головой.

Маргит не продаётся. Маргит никогда не нарушает правила и всегда следует собственным принципам.

Ксандр... Он не был бы собой, если бы растерялся. Выпад мой оказался принятым и партия – разыграна. Бестолковое, пустоголовое женское существо вострепнулось и посчитало, что теперь-то может стать свободным – ослабили даже руки, не только замёрзшие ноги, и держалась я исключительно благодаря лёгким объятиям Александра (как бы мне не нравилось его имя, нужно признать, – оно прекрасно ему подходило). Победитель.

То, чего Маргит боялась и чего так долго хотела – было в шаге, но, сбрасывая со счетов мою уверенность, решительно принадлежало мужчине, от которого я собиралась бежать. Целый год мне удавалось успешно держать его на расстоянии, а теперь – ошибка за ошибкой. Если сейчас он откажет,

если не подумает о продолжении, то... Я вцепилась в него со всей силой замёрзших рук, пытаясь продлить поцелуй как можно дольше, сделать его страстным, но выходило всё равно нежно и робко.

– Какой неоднозначный ответ, – шепнул Ксандр, холодной щекой прижимаясь к моей.

– По-моему, вполне...

– Ты замёрзла.

– Что? – я снова растерялась. Попыталась отодвинуться от него, чтобы видеть лицо, по которому хоть как-то выходило понимать настроение, но он не дал этого сделать.

– Раз ты не хочешь врать, то мы пойдём честным путём.

– Я не понимаю! – стало страшно. Вино, навевающее некоторый флёр романтичности и волнительного ожидания, сбивало с толку мысли рациональные, но инстинкты худо-бедно работали.

– Скорее!

Александр вдруг схватил меня за предплечье и почти силой подтащил к большой подъездной двери старого дома, под окнами которого мы остановились. В руках его звякнули ключи, тут же пискнул домофон, и мы оказались в небольшом холле, откуда наверх поднималась стёсанная временем лестница. Тепло тут же подпалило щёки и нос, отчего я моментально растаяла и тихонько хлопнула.

– Куда? – только и удалось выдохнуть, едва поспевая переступать со ступеньки на ступеньку.

– Туда, где сбываются мечты! – бодро выдал Ксандр, всё ещё не отпуская меня. Другая его рука была занята нашими вещами, о которых я забыла напрочь: моя сумка с ноутбуком и папка с документами. Боже мой... Вечер мог обернуться большими неприятностями, гораздо более серьёзными, чем бессмысленные игры с уважаемым, ключевым клиентом.

– Са... – только успела я выдать, как тут же оказалась перед широкой дверью, обитой светлыми деревянными панелями.

– Добро пожаловать в моё логово, прекрасная Маргит, королева Правил и Принципов! – с этими пафосными словами, сдобренными бархатистым смехом, Александр распахнул «ворота логова» и вместе со мной ступил в полумрак квартиры.

Пахло мандариновой свежестью и обжаренным кофе, из трёх больших дверных проёмов напротив входа, падали серые тени отсветом уличных фонарей. Я стояла, спиной прижавшись к Александру, и почти не дышала, а он шептал на ухо нечто невразумительное, отчего хотелось вспыхнуть ведьминским костром и тут же погаснуть, рассеявшись по ветру.

– Так чего же ты хотела, Маргит? Если простого удовольствия, то почему не сказала прямо и не ушла, когда поняла, что я тебе его не дам? А если тебе нужен именно я, то почему ты здесь? Почему не в прошлом, когда можно было бы не мёрзнуть, не ждать и не злиться? Почему ты здесь, прин-

ципиальная моя, лучшая из лучших, кого мне только могли предложить в вашем бюро? Ответ: почему и зачем ты здесь?

Я молчала. Сказать было нечего. Этого игрока невозможно обвести вокруг пальца: он не поддавался женским чарам, не обращал внимания на репутационные риски и был настолько уверен в себе, что я превращалась в типичную дурочку. Но я не была ей! Никогда...

– Молчишь... А знаешь ли ты сама, Маргит, ответ хотя бы на один из этих вопросов? – он прижал меня крепче, подумал несколько секунд и распутал шарф. Я почувствовала больше свободы в движениях, но не рискнула шевелиться. – А вот я знаю. Ты думала, что отделаешься от меня этим пустым ужином. Потом выпила лишнего и решила убить двух зайцев: взять то, что хотелось, и заодно избавиться от меня навсегда, откупившись постелью.

– Даже если так! Что здесь такого? – я резко обернулась и смело взглянула ему в глаза. Темнота. Мрак. И сквозь них... Нет, поверх них, – прекрасные серебристые звёздочки. Я моргнула, пытаясь совладать с шумом в ушах и желанием покачнуться вместе с замкнутым мирком прихожей. Вино. Чёртово вино.

– Ничего. Только ты должна кое-что знать... – Ксандр шагнул ко мне и снял мокрую шапку.

– Что?..

Но ответ был не нужен. Во всяком случае – в тот момент. Помню ли я, как капитулировала? О... Унизительно и пре-

красно одновременно, дерзко и по-животному грубо. Главное было – не успеть понять, что я делаю. Что *мы* делаем. Через мягкую рубашку чувствовалось тёплое, почти горячее его тело, и я готова была разорвать дорогую, крепкую ткань в клочья, чтобы прикоснуться к коже, добраться до самого сердца и вырвать его зубами. Растерзать, растоптать, испугаться в обжигающей крови. Напиться до тошноты, до отвращения. Что делал Ксандр в ответ? Как зеркало отражал каждое моё действие, шёл на поводу, как щенок, обожающий свою хозяйку. Но я знала точно, кто определяет траекторию. Увы, это была не Маргит...

Когда на мне осталось только бельё, он всё ещё наполовину был одет. Я стояла босыми ногами на смятой его рубашке и не могла совладать с дрожью – в приоткрытое окно дул холодный ветер, да изредка залетала снежная пыль.

– Бургунди... – хмыкнул Ксандр, оглядывая меня нагло и восторженно. – Для кого?

– Для себя, – я взялась за ремень на его брюках и с силой подтянула к себе.

– Красиво, – констатировал он и снова утопил меня в ласках.

– Погоди... – попыталась я вывернуться.

– Что?

О пол глухо стукнула пряжка.

– Хочу пить.

– Пей, – он неопределённо махнул рукой в сторону и под-

вёл меня к низкому столику, заставленному бутылками. Я подхватила одну и, сбросив крышку, хлебнула прямо из горла. Терпкий виски обжёг язык, потёк лавой в желудок и, кусая губы – по шее на грудь, живот и дальше, крупными каплями на пол. – Ну, хватит. Этим жажду не утолить, – рассмеялся Александр и, выхватив бутылку, оттеснил меня от столика к бархатистому креслу, рядом с которым я и опустилась на мягкий коврик, увлекая за собой своего привередливого «клиента».

Как было прекрасно, почти не ощущая тела, не то лежать, не то сидеть, закинув голову на сиденье и, закрыв глаза, ловить мерцающие крошечные вспышки среди кромешной тьмы, отмечать смелые, знающие своё дело прикосновения мужских рук. Именно об этом я мечтала каждый раз, когда оказывалась в постели не одна, – об осторожной настойчивости, о своеобразной связи, когда не нужно говорить, чего ты хочешь. Мужчин, не боящихся делать что-то особенное, не стыдящихся быть источником наслаждения для женщины – так мало. Их пугает любовь к удовольствию, пугает знание тела любовницы. Они хотят получать всё и даже больше, но не могут совладать с гордостью и дать адекватный ответ той, что готова разделить с ними радость взаимности.

Ксандр не боялся ничего. И не стыдился. Оттого под его руками я таяла, как Снегурочка в горниле печи. Если бы в тот момент нас увидел кто-нибудь со стороны, то поставил бы клеймо «пошло» и даже похуже, но мне отчаянно нрави-

лось происходящее. Мне хотелось бы слиться с его ладонями или стать его пальцами, чтобы чувствовать острее, так что иногда я пыталась ухватиться за крепкое предплечье или двинуться ближе. Но он не позволял.

– Ещё, пожалуйста, – выгнулась я ему навстречу, пытаюсь упереться руками в пол. Тело было готово рухнуть в судорогу наслаждения, испытать его от начала и до самого конца, получить дозу физического восторга и... Ксандр остановился. Влажными ладонями прошёлся по моим бёдрам, подтащил к себе, осторожно уложив на пол, и, ласково прикоснувшись губами к шее, не дал возмущению вырваться наружу. – Это подло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.